

Авессалом Подводный

**ПОКРЫВАЛО МАЙИ,
или
СКАЗКИ ДЛЯ НЕВРОТИКОВ**

«Акварин»

Москва

2011

ББК Ю9 88

П44

П44 Авессалом Подводный «Покрывало майи, или Сказки для невротиков». Москва, «Аквармарин», 2011 г. – 348 стр.

Эта книга написана на стыке психологии и философии. Она может помочь читателю ответить на следующие вопросы:

- Как развить в себе системное мышление?
- Как правильно вести себя в ситуациях общения с разными людьми?
- Что значит смотреть на явление в целом?
- Когда важны качества объекта, а когда нужно изучать его мелкие детали?
- Что такое эволюционное развитие человека и какие фазы в нем можно наблюдать?

Редактор Мариана Шканчикова

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора 3

Вступление. Архетипы и модальности 5

Часть 1. Шива и Шакти, или диадический архетип 51

Часть 2. Единый Бог, или триадический архетип 87

Глава 1. Мистик-харизматик 110

Глава 2. Идеалист 136

Глава 3. Прагматик 162

Часть 3. Лестница Иакова, или эволюционный архетип 181

Глава 1. Муладхара 185

Глава 2. Свадхистхана 212

Глава 3. Манипура 243

Глава 4. Анахата 267

Глава 5. Вишудха 295

Глава 6. Аджна 316

Глава 7. Сахасрара 333

Заключение 344

От автора

Эта книга написана на стыке философии и психологии. В ней автор продолжает тему описания фундаментальных (высших) архетипов, начатую им в «Эзотерической астрологии», где рассмотрены Диалектический архетип (три фазы времени: творение, осуществление и растворение) и Тетрадический архетип (предполагающий разделение объекта на связанные друг с другом тонкую и плотную части, или ипостаси), и читатель, знакомый с этими архетипами, лучше поймет идеи и концепции, развиваемые в настоящей книге, хотя она написана и независимо.

В трех частях этой книги автор подробно рассматривает три фундаментальных архетипа: Диадический, Триадический и Эволюционный, причем они описываются вначале сами по себе, то есть как абстрактные идеи, а затем преломленными в человеческой судьбе, мировоззрении, психологии и характере.

Диадический архетип предполагает деление мира на женское и мужское начала (инь и ян, материю и дух), и автор пытается дать современную интерпретацию этих понятий и показать, как они проявляются в индивидуальной психологии человека и в его конкретном поведении.

Триадический архетип предполагает три уровня рассмотрения объекта:

– *синтетический*, когда объект рассматривается как единое нерасчленимое целое;

– *качественный*, когда он выступает как носитель различных свойств, или атрибутов; и

– *предметный*, когда объект рассматривается как состоящий из различных частей, определенным образом связанных друг с другом.

Эволюционному архетипу соответствует взгляд на мир с точки зрения совокупности из семи уровней бытия

любого объекта в окружающей среде; здесь автор следует индийской традиции и обозначает эти уровни санскритскими именами чакр: муладхара, свадхистхана, манипура, анахата, вишудха, аджна, сахасрара. Оказывается, что эволюционный архетип может быть выведен из триадического, и это обстоятельство проливает дополнительный свет на широко используемые в эзотерике, но далеко не полностью изученные свойства и особенности эволюционных уровней.

И в заключение автор должен сказать, что он далеко не считает излагаемые концепции законченными и будет рад любым откликам своих читателей.

Москва, 21.9.1997 г.

Вступление

АРХЕПИТЫ И МОДАЛЬНОСТИ

Знайте, дети мои, – сказал старый еврей, умирая, – что больше всего неприятностей принесли мне те беды, которые впоследствии не произошли!

Анекдот

Должно быть, легко и приятно писать книги в начале открывающегося тысячелетия: огромное и величественное, загадочное и непознанное, окутанное густым туманом неизвестности, обольстительно-смутно предстает оно пронзительному взору мыслителя, дерзающего охватить его если не целиком, то хотя бы частично, и право на ошибку здесь подчеркивается самой огромностью задачи, так же, впрочем, как и незначительность риска: едва ли имя провидца, учитывая неизбежную в столь далекой перспективе наивность его суждений, сохранится по окончании настолько обширного периода жизни человечества.

Совсем иное переживание выпадает писателю, волей судьбы вынужденному писать и издавать свои книги в самом конце тысячелетия (а заодно и двухтысячелетней астрологической эры): вопрос о подведении итогов, причем далеко не во всем утешительного, вдохновляющего или умиротворяющего свойства, так или иначе встает перед ним, и спина и шея этого инженера человеческих душ волей-неволей выгибаются так, что самая его фигура отчасти начинает напоминать вопросительный знак, символизируя неизбежный вопрос: как же нам со всем этим, прожитым, быть, что с ним делать и с чем встречать будущее, которое настолько очевидно отличается от прошлого, что полностью игнорировать или удовлетворительно профанировать грядущие перемены уже не удастся?

* * *

Не хлебом единым жив человек, но словом Божиим. Вполне разделяя эту евангельскую истину, автор должен заметить, что упомянутое «слово Божье» в разные времена понимается по-разному. Всегда есть определенные рамки, ограничивающие представления о возможной человеческой судьбе, а говоря точнее, каждое время предлагает свой язык для ее описания, и число ее вариантов, как и число основных понятий указанного языка, обычно невелико. Серьезная проблема, которую с большим основанием можно считать духовной, возникает, когда реальные людские судьбы плохо описываются имеющимся языком, и тогда его нужно как-то расширять и модифицировать.

Бытие не определяет сознания, но служит для него почвой; на этой почве засеиваются семена общесоциальных мифов, или архетипических сюжетов, которые повторяются в различных формах и на разные лады, причудливо комбинируясь в вырастающих индивидуальных растениях-судьбах. Вопрос о том, какие архетипы ведут жизнь данного человека, являются ключевым для него самого, если он вступает на путь самопознания, и весьма важен для всех серьезно сталкивающихся с ним специалистов гуманитарного профиля: священника, психолога, учителя, бизнес-партнера, косметолога и парикмахера, не говоря уже о близких знакомых и родственниках. Осознав свои (чужие) ведущие архетипы, человек обретает некоторую власть над своей (чужой) судьбой: он может пытаться или сменить действующий архетип на другой (используя хирургический принцип), или модифицировать его, например, поднимая на октаву выше или изменяя аспект и контекст его действия (терапевтический подход). Определение и описание ведущих мифов (архетипических жизненных сюжетов) своего времени есть задача философа; спецификация архетипов, определяющих жизнь конкретного человека – задача психолога-практика, и он же должен уметь помочь своему клиенту увидеть свои ведущие архетипы и научиться как-то с ними справ-

ляться: иногда окультуривать, иногда заменять один другим, подчиняться третьему и умело управлять четвертым – но в первую очередь их идентифицировать и отличать один от другого.

Проблема точной идентификации архетипов и определения моментов их включения (активизации) и выключения это не только проблема правильного понимания человеком своей судьбы и вариантов ее реализации. Идентификация активных архетипов у себя и у других – это психологическая основа адекватной коммуникации между отдельными людьми, а также между различными коллективами, от семьи и небольшой фирмы до этнических групп, народов и даже рас. Другими словами, правильная идентификация и взаимное согласование активных архетипов – необходимое, а во многих случаях и достаточное условие налаживания взаимопонимания между людьми и коллективами. Конечно, глубокое взаимопонимание возможно не всегда и возникает, как правило, не сразу и не только как результат видения, чувствования и взаимного согласования архетипов, но последнее, во всяком случае, создает для первого подходящую среду.

* * *

Каждый архетип проявляется двояко – с одной стороны, как тончайшая, еле видимая кармическая тенденция, лишь изредка сгущающаяся до уровня конкретных событий (в ситуациях, которые в восточной традиции описываются выражением «карма созрела»), а с другой – как совершенно определенная **модальность** восприятия и поведения человека, которая чаще всего им не осознается, но отчетливо меняется при смене архетипа. Таким образом, каждому архетипу соответствует совершенно определенная психологическая модальность, или, другими словами, некоторый как бы сам собою подразумеваемый оттенок (общий смысл, качество, контекст), который определенным образом окрашивает (видоизменяет, озвучивает, оформляет) поведение человека и характер его восприятия. Изменение модальности ведет, следовательно,

но, к смене активного архетипа; этот эффект, который может использоваться как сильнейший психотерапевтический (в частности, гипнотический) прием, был хорошо известен знаменитому американскому психотерапевту доктору Милтону Эриксону и успешно использовался им и его учениками, в том числе основателями нейролингвистического программирования (НЛП) Ричардом Бэнделером и Джоном Гриндером.

Вообще надо сказать, что взаимодействие между людьми, особенно близкими, это в гораздо большей степени игра модальностей общих смыслов и глобальных позиций, нежели прямое и непосредственное использование значений произносимых слов. Особенно это относится к стереотипным ситуациям, когда информационного обмена по сути почти не происходит, но в полуритуальные формы взаимодействия вкладывается колоссальное энергетическое содержание, базирующееся именно на модальностях, и имеющее глубокий архетипический смысл.

Представим себе, например, следующую сцену. Муж после рабочего дня возвращается домой. Жена открывает ему дверь и между ними происходит следующий диалог:

Ж е н а: Я так устала сегодня!

М у ж: Ну ничего, завтра суббота.

По непосредственному смыслу это адекватный нейтральный обмен, но в зависимости от обстоятельств (контекста) он может восприниматься участниками совершенно по-разному, в диапазоне от нежного любовного признания до взаимной упорствующей воинственной непримиримости. При этом следует различать объективный событийный контекст, окружающий этот диалог, и субъективные модальности, дополнительно налагаемые его участниками. Например, объективный контекст может заключаться в том, что в доме все прибрано и ужин стоит на столе, или наоборот, и муж это знает (или не знает), а у мужа суббота посвящена выпивке с друзьями и двойной нагрузке на жену, или, наоборот, он собирается повести ее на природу, чтобы она там загорала и купалась, а он будет жарить мясо на костре, и она это знает (или

не знает). Субъективный контекст (модальность) фразы, произнесенной женой, также может быть совершенно разным, в диапазоне от кокетливого сексуально окрашенного призыва («Ну обними же меня скорее и поцелуй!») до глобального упрека («Я всегда все для тебя делаю, а ты, ничтожество, не способен даже этого оценить по достоинству!»). Модальность реплики мужа может быть чем-то вроде любовного признания («И у меня есть целых два с половиной дня, чтобы непрерывно любить и восхищаться тобой!») или равнодушной отговоркой («Я устал ничуть не меньше, не видишь, что ли сама!»), а может оказаться скрытым гневом («Я и так взял всю работу на себя, да еще нанял в дом няньку и кухарку – чего тебе еще надо?!»)

Различия в субъективных модальностях, применяемых человеком, могут ускользнуть от поверхностного взора, но отлично чувствуются его близкими, хотя они и не всегда могут точно сказать, почему (по каким признакам) им кажется (видно, слышно) что человек находится в гневе, раздражен, угнетен, доволен, счастлив и т. д. В то же время пристальный взгляд и внимательное ухо опытного наблюдателя всегда смогут найти малозаметные, но совершенно «материальные» признаки включения той или иной субъективной модальности, а значит, и иницилирующего ее архетипа.

Для нас, однако, важно другое: внутреннее, психологическое содержание разнообразных диалогов, которые ведут супруги и многие другие «сыгранные» пары, заключается именно в обмене энергетикой (и информацией) соответствующих модальностей; в данном случае внутренний смысл диалога может быть, например, таким:

– Я тебе предана.

– Я тоже тебя люблю, –

а может быть совершенно другим:

– Ты обращаешь на меня мало внимания.

– Не больно-то ты меня интересуешь, –

и именно этот, внутренний, «модальный», или архетипический, смысл и волнует партнеров; они, даже не желая и

не имея того в виду, бессознательно проводят волю (и сюжеты) определенных архетипов, бдительно их отстаивая, хотя бы даже и очевидно во вред самим себе и любимым близким. При этом используемые модальности (которые суть не что иное как инструменты для материализации соответствующих архетипов) нередко не осознаются использующими их людьми, и потому так трудна бывает работа психолога: зеркало, которое он пытается поставить клиенту, кажется последнему чрезмерно кривым: «Да, конечно, я бываю резок, но ведь далеко не до хамской степени, и пусть я ее бью иногда – так ведь любя, и всегда есть за что!»

* * *

Если говорить совсем просто, то модальность отвечает на вопрос: «Как происходит?», в отличие от непосредственного смысла действия, то есть того, «что происходит». Примечательно, что многие люди сознательно обращают основное внимание на модальность человеческих взаимодействий, считая ее главным в общении, а его прямое содержание – чем-то второстепенным:

- Ну, как вы с ним поговорили?
- Хорошо: тепло, доброжелательно, с пониманием.
- А о чем говорили?
- Да о разном... это было неважно.

С другой стороны, использование и восприятие модальностей содержит в себе немало подводных камней. Их коварство, как и их сила, заключены в их неявности; вследствие этого они непосредственно, то есть почти минуя фильтры сознания, регистрируются подсознанием, но, с другой стороны, легко искажаются цензурой подсознания: как на входе, то есть при восприятии, так и на выходе, то есть при выражении их человеком. Типичный пример: будучи в злом, раздраженном состоянии человеку очень трудно адекватно воспринять чье-то доброе внимание: скорее всего оно покажется ему подозрительным, фальшивым, вызывающим, нескромным, навязчивым, неуместным или каким-нибудь еще «не таким». Нисколько

не лучший результат получится, если попросить человека в минуту злости изобразить на лице доброе выражение и сказать что-нибудь нежное и ласковое. Скорее всего, на его лице появится непередаваемо жуткая гримаса, а горло перехватит спазм, и оно издаст лишь хриплое сипение.

Значительная, если не подавляющая, часть недоразумений и конфликтов между людьми связана с ошибками в определении чужих и в выражении своих модальностей; ситуацию осложняет еще и то обстоятельство, что нередко архетипы, ведущие человека по его жизни, осознаются им лишь весьма туманно (или не осознаются вовсе), и это прямо сказывается на осознании им соответствующих модальностей, которые он использует, совершенно того не замечая. Каждый человек, если он того захочет, может стать чрезвычайно противным – это не фокус; а вот быть противным *только* в тех ситуациях, когда ты сознательно считаешь это необходимым, удастся очень немногим.

Осознать, расклассифицировать и научиться по мелким признакам определять наиболее характерные модальности – необходимая часть работы любого прикладного психолога, неважно, как официально называется его профессия: психотерапевт, коммивояжер, администратор, дипломат, президент концерна, банка или страны. В некотором смысле раскрытию этой темы посвящена вся эта книга, и автор вовсе не ставил себе целью эту тему исчерпать.

В последующих главах описание модальностей идет системно, в соответствии с последовательностью изложения архетипов, а здесь, в порядке иллюстрации вышесказанного и в качестве первого введения в тему автор предлагает вниманию читателя несколько наиболее широко используемых в жизни модальностей. Научившись правильно отслеживать их у себя и других, вы сделаете свои социальные взаимодействия существенно более ясными, точными и эффективными. Вопрос о том, какие архетипы стоят за рассматриваемыми модальностями, автор пока не обсуждает, втайне, однако, надеясь, что читатель по-

пытается ответить на него сам; некоторая информация на эту тему содержится в следующих главах книги.

Модальности времени

Время, как известно, бывает настоящее, прошедшее и будущее, то есть у времени есть три основные модальности, которые в европейских языках обозначаются специальным выразительным средством, а именно формой вспомогательного глагола «быть» («я была замужем», «я буду дворянином»); в русском языке, в отличие от английского и немецкого, при употреблении настоящего времени этот глагол опускается, то есть говорится просто «я виноват» вместо «я есть виноват», но англичанин скажет именно так, полностью: «I am guilty»). Однако фактически временных модальностей гораздо больше, то есть существуют разнообразные оттенки времени, выражающиеся человеком отчасти грамматическими средствами, отчасти специальными словами, а в какой-то мере и с помощью интонаций и жестов. Интересно, что разные языки предлагают своим носителям значительно различающиеся спектры временных модальностей, так что точный перевод порой затрудняется или возникают существенные потери смысла.

Например, в английском языке имеется специальная грамматическая форма Present Continuous («Настоящее Продолжающееся»), описывающая действие, которое происходит на глазах человека, то есть действие, начавшееся некоторое время назад и заканчивающееся какое-то время спустя, в будущем. Эта форма означает гораздо большую вовлеченность в процесс, чем нейтральная Present Indefinite, то есть Неопределенное Настоящее. Например, можно неопределенно сказать: «I write letters» – «Я пишу письма» – в смысле, что вообще имею обыкновение их писать, иногда в моей жизни такое случается, и при этом вовсе не имеется в виду, что, скажем, за последний год своей жизни я написал их несколько или хотя бы одно, или планирую это сделать. Но уж если я употреблю

Present Continuous, то есть на вопрос о том, что я сейчас делаю, скажу: «I am writing the letter», – то это значит, что вы оторвали меня от дела, и чернила на моей ручке еще мокрые, и лучше вам на некоторое время из моей жизни удалиться и дать мне возможность это письмо дописать. Последнюю ситуацию я определяю выражением в модальности Present Perfect («Настоящее Законченное»): «I have written the letter» – «Я написал письмо», а точнее: «Я писал письмо и уже его дописал», – и это значит, что теперь я свободен и нахожусь в вашем распоряжении.

В русском языке нет прямых грамматических возможностей выражать описанные временные модальности, и носители русского языка употребляют вспомогательные слова (обстоятельства) и приставки к глаголам, обозначающие продолженность или законченность действия. Например, вопрос: «Ты съел кашу?» – может относиться как к настоящему, так и к прошлому (вчера вечером), а вопрос: «Ты уже съел кашу?» – только к настоящему, так как слово «уже» в данном случае символизирует временную модальность, которую англичанин определит как Present Perfect («Have you eaten the porridge?»), в то время как первый вариант («Ты съел кашу?») будет скорее всего воспринят англичанином, изучающим русский язык, как Past Perfect – «Had you eaten the porridge?», то есть приблизительно как «Съел ли ты кашу вчера вечером после телепередачи, в соответствии с моими указаниями на этот счет?» – хотя для носителя русского языка модальность в данном случае неочевидна: вопрос: «Ты съел кашу?» – может относиться как к прошлой (Past Perfect), так и к настоящей (Present Perfect) ситуации, и ребенок может воспользоваться этой неопределенностью в своих целях – например, его ответ: «Да», – может относиться ко вчерашней трапезе, в то время как к сегодняшней он еще и не прикасался.

Уже упоминавшаяся модальность Present Indefinite («Настоящее Неопределенное») может быть передана на русском языке с помощью таких слов и выражений, как «вообще», «мне свойственно», «иметь обыкновение», «не-

редко», «во многих случаях» и т.д. Например, предложение «Я имею обыкновение ходить на лыжах» звучит по-русски несколько неуклюже, но довольно точно передает смысл и модальность английской фразы «I ski».

Конечно, и русский язык обладает особыми, трудно передаваемыми на другие языки временными модальностями. Глагол «быть», теряя свою определенность, превращается в «бывать», или вовсе в «бывывать»:

«бывать» означает «быть, но нерегулярно»

«бывывать» означает «бывать, но редко».

Примеры:

– У вас есть трудности с переводом на английский?

– Бывают.

– А метровые щуки в вашем озере есть?

– Бывало, ловились.

Модальности «бывания и «бывывания» можно, конечно, пытаться передать на английском языке, употребляя слова типа «sometimes», «eventually», «seldom» и т. п., но специальной грамматической формы такого рода в этом языке нет. (Чем отличается культурный человек от дикого? В первую очередь используемыми модальностями. Насколько мягче звучит «я передавал», чем «я передал» – но, увы, это смягчение возможно лишь в прошедшем времени: в настоящем существует только краткая (переходная) форма: «я передаю», но никак не «передаваю».)

Вероятно, сравнительная филология могла бы составить внушительный список разнообразных временных модальностей, используемых в различных языках, и их осознание и освоение в рамках родного языка существенно продвинуло бы коммуникативную культуру человека – но эта работа еще впереди. Автор же переходит от лингвистического к психологическому аспекту рассмотрения временных модальностей.

Поговорим сначала о *будущем*. Каким оно бывает? С психологической точки зрения, тут возможны разнообразные варианты, и для человека весьма небезразлично, какой из них в данный момент подразумевается. Итак,